

очевидное, автор собирается заниматься так называемыми „душевными явлениями“, или, если удовлетворить его терминологическую щепетильность, „проявлениями психической активности“. Дело вовсе не новое, и, очевидно, ни за что разжаловал автор всю психологию, бывшую до него. Но может быть дело в подходе к изучению, в методах. Вот читаю: „Психология должна изучать не душу (разрядка автора. *A. Tr.*), как объект, обособленный от организма, но душу, как функцию организма... должна изучать психику не в форме личности, обособленной и оторванной от среды, но личность, как функцию общественного организма. Эти две идеи—души, как функции организма биологического, и личности, как функции организма общественного,—и должны явиться определяющими направлениями психологического исследования в настоящее время. Эти две идеи и составят то, что должно быть названо представлением о психике, нормально определяющим пути психологического исследования“ (305 стр.). Вот и все, к чему сводятся и „контуры“, и „упоры“. Спрашивается, что здесь нового, и что обязывает нас вести новое летоисчисление психологии от книги Струминского. Стоит заглянуть в сводную работу по психологии проф. Ланге, чтобы и в ней найти эти „упоры“. На стр. 15 в изд. „Мир“ (том VIII) у Ланге написано: „Психическая жизнь должна быть рассматривается как особое, своеобразное жизненное приспособление“...—вот вам один „упор“, а вот и второй: „Душа человеческой личности в 99% есть продукт истории и общественности“ (27 стр.). Установил же эти „упоры“ Ланге без шума и даже не претендуя на новаторство, ибо эта претензия была бы непроходимой глупостью. А наш автор воображает, что он производит „реформу“ сознания, наговаривая массу всяких умных вещей, где истины столько же, сколько в его утверждении, что Эддингтон был американским психологом, а в Москве есть „Психологический институт имени Шувалова, и что открыт он в 1911 г.“. По-моему, нет надобности больше останавливаться на мыслях нашего „революционера“ в психологии. Никто бы вообще не помешал его „революциям для себя“. Но, ведь, он берет для освещения своего действия знамя определенной школы, и по его книге будут составлять мнение об этой школе. Ведь, не всякий знающий психологию знает и диалектический материализм и не всякий, ведь, найдет нужным проверять автора в отношении правильности понимания им своих философских предпосылок. Психологии автор повредить не может, научиться по книге чему-нибудь трудно, но медвежью услугу диалектическому материализму он оказал. Лавры „метафизика“, которых ждал для психологии Джемс, расстроили „психическую активность“ Струминского, Марксова диалектика подвела. Он решил, что с точки зрения конкретности истины „не важно, кто берет за решение психологических проблем...: кто взялся, тот и психолог“ (119 стр.), и думал, что сделавшись революционером психологии, правда, не совсем по Джемсу, — Струминский мнил себя не метафизиком, а диалектиком. Вышло на деле и впрямь не по Джемсу: получился метафизик в психологии, но не революционером психологии. Знаете почему? Потому, что, увлекшись модернизацией Сократа, Струминский просмотрел, как настоящий Сократ обучал диалектике, что, между прочим, это есть „искусство освобождать человека от величайшего и худшего из всех родов невежества, а именно, от уверенности в знании того, чего не знаешь“. При несоблюдении этого условия диалектиком не будешь.

А. Троицкий.

Г. В. Плеханов. „От идеализма к материализму“. Изд. „Пролетарий“. Харьков 1923 г. Стр. 58.

Брошюра представляет собою перепечатку статьи того же названия из „Истории Западной литературы“. Нам уже несколько раз приходилось говорить об этой статье, о ее достоинствах и недостатках. Нам приходилось уже

отметить, что без специального предисловия ее нельзя теперь издать, ибо статья написана в эпоху войны и носит на себе отпечаток социал-патриотизма.

Издательство „Пролетарий“ не хочет считаться с указаниями наших библиографов; по мнению ее руководителей, библиограф пишет для кого-то другого, а не для издателя. Несчастные, они не знают, что библиографические заметки пишутся для невежественных издателей; их цель—дать необходимые сведения издателю об изданиях, которые, по недостатку знания, они выпускают так неудовлетворительно, как это сделано изд. „Пролетарий“ с настоящей брошюрой Плеханова. Но бываю случаи, когда никакая библиографическая заметка не оказывается в состоянии преодолеть издательское невежество, тогда нашему брату библиографу ничего не остается, как обратиться к читателю с предостережением: берегись, товарищ доверчивый читатель, тебе подсовывают негодное издание!

Мы были бы очень довольны, если бы могли довольствоваться просто вышеизложенным. Но ограничиться им нельзя.

С недавних пор в нашей издательской практике установился некий взлязд, который нельзя квалифицировать иначе, как самым резко отрицательным названием.

Открываете вы реферируемую брошюру и находите в виде заставки рисунок: „Гегель на кафедре. С рис. Ф. Куглера“. Дальше—больше: любезное издательство демонстрирует перед вами татуальный лист I изд. „System der Wissenschaft“ Гегеля (факсимиле), татуальный лист I-го изд. Энциклопедии, факсимиле письма Гегеля и т. д., и т. д. Вы удивлены, читатель, откуда все эти рисунки и факсимиле взяло издательство „Пролетарий“? Сомнительно, чтобы в Харькове имелось столько чрезвычайно редких изданий и гравюр.

Очень просто, оно взяло и перепечатало все рисунки, портреты и факсимиле из „Истории Зап. литературы“: не указав источника и не оговорив особым примечанием основание и цель такого заимствования.

Я не защищаю интересы книгоиздательства „Мир“, — я защищаю наши собственные права от растлевающего влияния взлязда.

Все имеет предел: и издательские махинации, и наше читательское долготерпение.

Читатель.

В. Воровский. Литературные очерки. Издание „Новой Москвы“. 227 стр. 1923 г.

Товарищ В. В. Воровский известен широкой читающей публике прежде всего как партийный работник и советский дипломат, сраженный фашистской пулей на своем боевом посту. Меньше всего его знали как литературного критика, а он был серьезный, взвучивый критик-марксист, принявший заветы В. Белинского и Н. Добролюбова. Статьи его читаются с глубоким интересом, и мы можем только пожалеть, что партийные обязанности не дали покойному достаточно времени и нужных условий для литературной работы, которая была для него одним из средств борьбы с буржуазией за пролетарскую идеологию, за марксистский метод. В силу последнего критика тов. Воровского временами переходит в публицистику; она лишена медкой кропотливой исследовательской работы, но зато она ценна своими широкими общественно-психологическими обобщениями и психологическим анализом отдельных авторов и их героев, интересовавших его и современников.

„Очерки“ открываются статьей „Был ли Герцен социалистом“. Это одна из лучших статей о Герцене. Одни доказывали, что Герцен—народник, другие сближали его с меньшевиками, третья,—с большевиками. Тов. Воровский со свойственным ему спокойствием—беспристрастием и убедительно-показал, что „мы имеем больше оснований приклониться перед Герценом-буржуазным социалистом революционером, чем перед Герценом-псевдо-